

REQUIEM AETERNAM

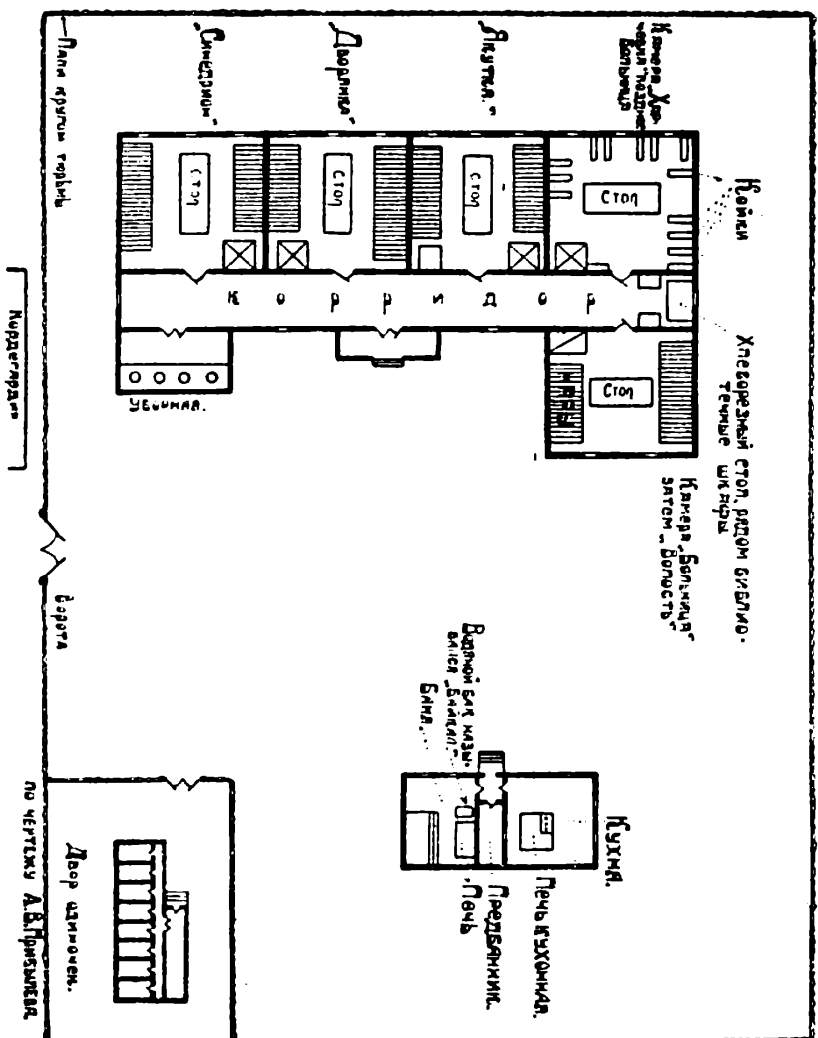
В 10-ю годовщину революции 1917 года посвящаем наш коллективный труд памяти тех, кто погиб в тюрьмах Нерчинской каторги, чей прах покоится в безвестных могилах среди сопок и падей Забайкалья.

Нерчинское землячество

.

1927 год. Март,
г. Москва.

ПЛАН КАРЯЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТОВАЛЫ

ОТ РЕДАКЦИИ.

О Нерчинской каторге всех ее периодов имеется очень большая литература, как увидит читатель из обширной библиографической работы Е. Никитиной в конце этой книги. Тем не менее, Нерчинское землячество Общества политкаторжан признало необходимым приступить к систематической обработке и опубликованию различных новых материалов по истории Нерчинской каторги.

Решение это достаточно обосновано.

Свыше 100 лет огромный район Забайкалья с десятком тюрем разного размера и устройства служил местом, куда надолго, а часто и без возврата, попадали побежденные в неравной борьбе с царизмом.

Начиная от декабристов и кончая тысячами участников „генеральной репетиции“ 1905 г. и массового движения позднейших лет, различные поколения революционеров по-своему приспосабливались здесь к условиям длительной подневольной жизни, создавали оригинальные формы и черты каторжного быта и по-разному оберегали свое право на человеческую жизнь от покушений тюремщиков, всеми силами стремясь вернуться в ряды борющихся.

Многие моменты этой вековой — по существу всегда трагической—эпопеи до сих пор либо вовсе не освещены в печати, либо страдают неполнотой, неточностью и внутренними противоречиями. А между тем, огромное количество документов в ленинградских и сибирских архивах ждут своих исследователей. Годы уходят, редют ряды товарищей, стариков и „молодых“ каторжан, которые одни только и могут с исчерпывающей полнотой прокомментировать архивные документы и по следам своей памяти восстановить картины и все детали жизни и событий на каторге.

Нужно ли доказывать, что эти моменты представляют громадный исторический и общественный интерес не только для исследователя и бытописателя прошлого, но и для всякого, интересующегося этапами классовой борьбы и ее отзвуками в тюрьмах до-революционной России.

Эта важная научно-исследовательская попытка Нерчинского землячества—исторически осветить свое прошлое—должна завершиться исчерпывающей „Историей Нерчинской каторги“, от начала ее возникновения и до последнего года существования, большим коллективным трудом, к составлению которого необходимо привлечь нерчинцев.

Предлагаемый читателю сборник составил из материалов двоякого рода: одни из них, главным образом, по Каре и старому Акатую, выделены из портфеля редакции „Каторга и Ссылка“—другие—написаны и составлены товарищами специально по заданиям землячества и редакции сборника. Обилие поступившего материала привело к необходимости отложить часть рукописей, используя их в дальнейшем на страницах нашего журнала либо в других изданиях общества.

Целый ряд причин технического характера, в том числе и невозможность задерживать более об'явленное издание книги, не позволили нам произвести предварительную читку рукописей на собраниях землячества для внесения необходимых фактических поправок и дополнений. В особенности это важно было бы сделать в отношении примечаний в конце книги и мартиролога, которые несомненно потребуют исправлений и дополнений. Мы приглашаем товарищей выполнить эту работу по выходе сборника в свет, прислав все свои замечания и поправки, которые будут использованы при дальнейшей обработке мартиролога и истории Нерчинской каторги.

Статьи по истории Нерчинской каторги просмотрены нашими ветеранами революции: М. М. Чернавским, А. В. Прибылевым, Е. П. Ковальской, А. В. Якимовой, М. Ф. Фроленко и в необходимых случаях снабжены их ценными примечаниями и раз'яснениями.

Редакционная обработка и подготовка материалов к печати проделана частично т. А. В. Диковской-Якимовой, а в основной части В. А. Плесковым.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

„Если вы и здесь вздумаете бунтовать, то не пуля вас ждет и не виселица, а кнуты, которыми я вас до смерти засеку“.

Этими словами были встречены каторжане—повстанцы 1831 года, как только они очутились по ту сторону Урала.

С декабристами царское правительство еще считалось, с повстанцами 1831 года оно это уже сочло излишним. И повстанец ксендз Сиротинский пал замертво под ударами шпицрутенгов, а доктор Шокальский, проведенный сквозь строй, а затем сосланный на Кару, морально и физически разбитый, покончил жизнь самоубийством.

По отношению к т.-н. „государственным преступникам“, которых царское самодержавие строго отличало от „политических“, главным образом, польских повстанцев, меры, принимаемые по указанию из центра местной администрацией, носили менее откровенный характер.

С повстанцами, изолированными от родины, было легко справиться, хотя и они в лице деятелей 1831 года ухитрились войти в близкий контакт с местным сибирским населением и заронить в Сибири искру бунта. Но для „бунтовщической“ работы поляка-патриота в Сибири не было почти никакой почвы. Несравненно большую опасность для самодержавного строя представляли ссылаемые в Сибирь на каторгу и поселение социалисты. Правительство знало, что их девизом было:

„Где горе слышится,
Где тяжело дышится,
Будь первый там“.

А „проклятая“ страна, найденная Ермаком, страна, служившая местом свалки уголовных элементов, страна спаиваемых, обираемых и угнетаемых малокультурных национальностей, страна произвола всевозможного чина и ранга администраторов, не могла не представлять весьма благодарной почвы для тех, кто поднял знамя борьбы против всякого гнета, всякого насилия, всякой эксплуатации.

Правительство сознавало это и его главнейшей заботой было изолировать ссыльных-социалистов от всего живого мира, лишить

их возможности общения с ним. Из Белгородского централа, даже из Петропавловки, прорывались голоса: „от мертвого к живым“, и, преследуя эту цель изоляции, царское правительство одних живьем замуравывало в казематах Шлиссельбурга, других ссылало буквально за тридевять земель в Нерчинский округ, где среди сопок в первый период существования каторги терялась знаменитая Кара. Изолировать от всего живого мира, отгородить тюремной решеткой и надежным жандармским караулом от всех, на кого заключенные могли бы повлиять, не допускать общения даже с уголовными, хотя бы для этого пришлось „государственных“ освободить от работ,—вот та основная цель, которая неукоснительно проводилась по непосредственному указанию из центра тюремной администрацией. Ради этой цели правительство продолжительное время сквозь пальцы смотрело на то, что происходило внутри тюрьмы, лишь бы происходящее там не выходило за пределы тюремной ограды. И только впоследствии, когда стало ясным, что благодаря изоляции от внешнего мира укрепляется внутри тюрьмы и, так сказать, консервируется тот революционный дух, с которым заключенные пришли на каторгу, что все помыслы заключенных направлены на то, чтобы вырваться на волю и вновь приняться за революционную деятельность, что крепнет среди заключенных внутренняя связь и солидарность и что при малейшем столкновении кого бы то ни было с администрацией солидарно реагирует на это вся тюрьма, в политике администрации наступило резкое изменение. Все усилия были направлены на то, чтобы сломить этот дух. Попытки ввести телесное наказание, держать годами заключенных под угрозой этих наказаний и этим принудить хотя бы только к компромиссам,—это была первая стадия этого нового курса. Каторжане поняли это и, лишённые возможности реагировать активно, протестовали пассивно: голодовками, самоотравлениями. Отдельные активные выступления—Сигиды, Фомичева, Санковского—свидетельствовали о том, что мысль о переходе от пассивных протестов к активным зреет. Об этом же свидетельствовали и показания травившихся в связи с наказанием Сигиды.

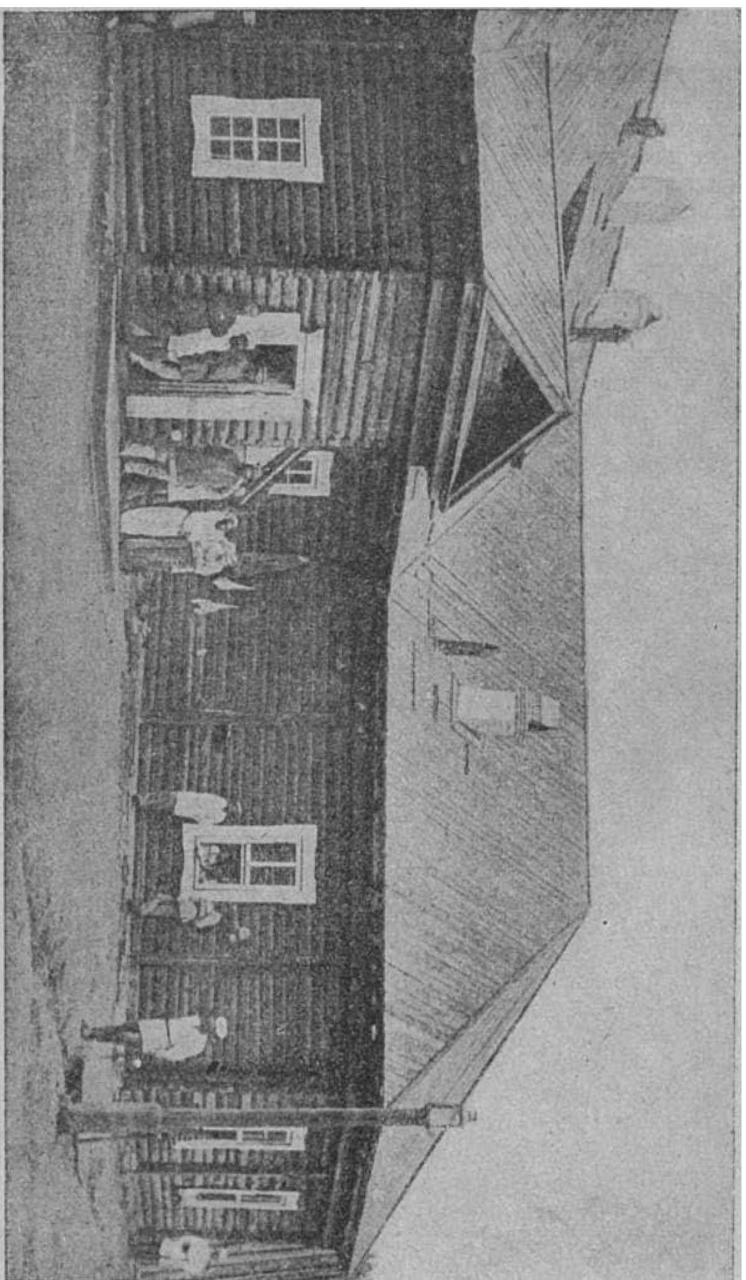
Учитывая все это, сознавая притом, что до тех пор, пока политкаторжане будут оставаться в своей среде, правительству не удастся достигнуть намеченной цели, оно решилось на то, чего так опасалось в предшествующем периоде: заключить политкаторжан в одну тюрьму с уголовными, распределить их по 2—3 человека по камерам вместе с 20 уголовными, установить строжайший режим, указывая на то, что режим этот обусловлен пребыванием неподчиняющихся администрации „бунтовщиков“, и натравить уголовных против политических, используя раздражение уголовных для более успешной расправы с политиками.

Перевод 13 человек из Кары в Акатуй в конце 1890 г. положил начало этой „новой эре“, стойившей жизни многим лучшим революционерам.

Правительство вернулось к той системе, которую раньше применяло к польским повстанцам. И чем шире разливалась волна революционного движения, чем более движение принимало массовый характер и чем большее число революционеров оказывалось за стенами каторжных тюрем, тем менее правительство считалось с необходимостью изолировать заключенных,—что уже становилось неосуществимым,—тем более оно сосредоточивало свое внимание на единственном ржавом оружии, оставшемся еще в его распоряжении,—на кнуте, тем больше людей гибло в каторжных тюрьмах, тем больше могил борцов вырастало среди сопок и падей Забайкалья.

Предлагаемый читателю сборник воспоминаний хоть до некоторой степени знакомит с той борьбой, которая происходила за стенами Нерчинских каторжных тюрем,—борьбой, какую вела горсть закованных в кандалы, заброшенных на край света борцов с самодержавием, борьбой, отголоски которой лишь изредка и глухо доносились до живого мира, но которая и свою роль сыграла в низвержении царизма.

Феликс Кон.

КАРИНСКАЯ МУЖСКАЯ ТЮРЬМА

А. А. Фомин.

Нерчинская каторга последних десяти- летий¹ (1888—1917 г.г.).

В секретных делах Нерчинской каторги и Читинской тюремной инспекции имеется богатый материал о порядках, царивших в каторжных тюрьмах. Разными путями слухи о тюремных эксцессах проникали порой в печать и в общество. В этих случаях главное тюремное управление запрашивало забайкальского губернатора, губернатор запрашивал начальника Нерчинской каторги, а тот, в свою очередь, начальников тюрем. Последние „отписывались“,—и все оставалось по-старому, шито-крыто, а начальство получало чины, награды и повышения по службе за решительное и неуклонное исполнение приказов высшей и местной администрации. Так было и во времена Государственной Думы всех созывов.

Только немые свидетели былых деяний—эти предписания, отношения и донесения за такими-то и такими №№, эти лаконически краткие телеграммы—только они одни говорят нам о той страшной действительности, которая царила в этих тюрьмах и о которой тюремщики стыдились открыто сказать правду, а предпочитали лгать и изворачиваться, чтобы снова и снова творить свое злое и позорное дело. Они не ожидали, что карающая рука Немезиды раскроет все их тайны и потребует ответа за пролитую кровь, а имена их история предаст вечному позору².

¹ После февраля 1917 года, когда революционная власть заняла все учреждения г. Читы, было предложено желающим членам революционных организаций заняться разборкой архивов и ознакомлением с ними.

От организации партии социалистов-революционеров занялись этим делом я и А. А. Фомин. Я проработала там очень короткое время, так как в начале июня уехала в Россию. А. А. работал в архиве довольно долго.

Алексей Александрович в 1883 г. судился в Петербурге военным судом за пропаганду среди солдат (он был офицер), за побег из военной тюрьмы и за принадлежность к партии „Народная Воля“; он был приговорен на 20 лет каторжных работ. Каторгу отбывал на Каре, а поселение в Чите.

А. Якимова.

² В ст. тов. Фомина сделаны по необходимости значительные сокращения и перестановки материала. — *Ред.*

1. Акатуйская тюрьма¹.

Из истории Акатуя (1).

Как известно, все государственные преступники, сосланные в Сибирь на каторгу до 1890 года, отбывали срок наказания на Карийских золотых приисках и находились в ведении департамента полиции. Непосредственное наблюдение за жизнью политических заключенных было возложено на жандармского офицера, при котором состоял для несения внутренней тюремной службы штат жандармов. Такое привилегированное положение политических ссыльных давно уже вызывало неудовольствие правительства, и оно искало лишь благовидного предлога, чтобы навсегда покончить с этим, по его мнению, ненормальным положением.

Случай этот скоро представился. В 1889 году, по распоряжению приамурского генерал-губернатора барона Корфа⁽²⁾, была подвергнута телесному наказанию Н. Сигида⁽³⁾ за нанесение оскорбления действием заведующему политическими заключенными подполк. Масюкову. В ответ на это наказание в женской политической тюрьме умерло от самоотравления 4 заключенных, в мужской тюрьме—двое. Это событие в связи с целым рядом волнений в мужской и женской тюрьмах заставило правительство поспешить с исполнением давно уже задуманного плана—полного уравнивания государственных преступников с общеуголовными.

Еще в 1888 году, в ноябре месяце, министру внутренних дел графу Толстому⁽⁴⁾ был представлен доклад о всех условиях внешней и внутренней жизни сс.-каторжных государственных преступников, содержащихся в Карийской тюрьме и предназначенных к переводу во вновь отстроенную Акатуйскую тюрьму, с ходатайством о разрешении: 1) передать Акатуйскую тюрьму в заведывание главного тюремного управления, с подчинением этой тюрьмы, в порядке местного управления, надзору забайкальского военного губернатора и приамурского генерал-губернатора; 2) представить на утверждение в законодательном порядке штат управления Акатуйской тюрьмою, обратив на пополнение расходов по новому штату суммы, в настоящее время ассигнуемые на содержание жандармской команды на Каре, и 3) произвести тщательный разбор всего нынешнего населения Карийской тюрьмы, чтобы выделить из числа заключенных, подлежащих переводу в Акатуй, тех, которые окончили срок испытваемости и которые по поведению своему заслуживают перечисления в разряд исправляющихся.

Министр внутренних дел оставил открытым вопрос о переходе в главное тюремное управление заведывания сс.-каторжными государственными преступниками, содержащимися на Каре, впредь до выяснения путем совместного обсуждения с департаментом поли-

¹ См. карту тюрем Забайкалья. Цифрами в тексте () отмечены по порядку все примечания в конце книги, а знаком *) — фамилии из мартиролога. — *Ред.*